

И. И. Гохман, Т. В. Лукьянченко

О ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ РУССКИХ НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

Соловецкие острова расположены в юго-западной части Белого моря, у выхода из Онежской губы, в 60 км от западного берега, напротив устья р. Кемь. В Соловецкий архипелаг входят шесть основных островов: Соловецкий, где находится кремль; к северо-востоку от него — о. Анзерский, к юго-востоку — острова Большая Муксалма, соединенный с Соловецким дамбой, и Малая Муксалма; к юго-западу — острова Большой и Малый Заяцкие. Самые крупные острова — Соловецкий, площадью около 250 км², и Анзерский, площадью немногим более 25 км².

Соловецкие острова известны как место сосредоточения интереснейших памятников — каменных лабиринтов и сейдов — следов деятельности древнего человека.

Лабиринты представляют собой наземные сооружения из небольших валунов, выложенных чаще всего концентрическими кругами. Диаметр таких сооружений достигает иногда более 10 м. Лабиринты всегда располагаются в береговой полосе, недалеко от воды. О назначении этих памятников высказывались разные точки зрения. Некоторые исследователи видят в них древние рыболовные ловушки, другие — сооружения магического характера, используемые при рыболовном промысле. Есть и такое мнение, что лабиринты — надгробные памятники. Интересно, что распространение лабиринтов ограничено Европейским Севером, и они не встречаются восточнее Беломорья. Причем из 45 лабиринтов, известных на севере Европейской части СССР, 29 находятся на Соловецких островах. Датируются лабиринты I тысячелетием до н. э. По мнению ряда исследователей, эти сооружения могут быть связаны с предками саамов¹.

Сейды — одиночные крупные камни или нагромождения более мелких камней, напоминающие по форме фигуру человека или какого-нибудь животного, служили предметом культа. Поклонение священным камням, распространенное по всей арктической зоне Евразии, исследователи связывают с промысловым культом или с культом предков. У саамов культ сейдов сохранялся до конца XIX в.²

Саамы (лопари) — небольшой народ, населяющий северные районы Скандинавии, Финляндии и Мурманскую область РСФСР. Общая численность саамов составляет теперь около 35 тыс. чел., в том числе в

¹ Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты Беломорья. — «Сов. археология», 1948, № 10, с. 125—142; *ее же*. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцова морей. — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 39, с. 408—420; А. А. Куратов. Древние лабиринты Архангельского Беломорья. — «Историко-краеведческий сборник». Вологда, 1973, с. 63.

² М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844; 1845—1849). М., 1860; Н. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890.

СССР — около 2 тыс. Саамы имеют древнюю и очень своеобразную культуру. Основными источниками их существования издавна были псовая охота, главным образом на дикого оленя, и рыболовство. Позже появилось оленеводство, которое настолько отлично от оленеводческого хозяйства других северных народов, что выделяется исследователями в особый тип. Большим своеобразием отличаются и материальная, и духовная культура саамов.

Современный язык саамов входит в финно-угорскую семью языков, но по своим фонетическим и лексическим особенностям занимает в ней особое положение. Исследователи считают, что на финно-угорскую речь саамы перешли сравнительно поздно, не ранее I тысячелетия до н. э., а до этого говорили на каком-то другом языке, тоже уральской семьи.

В антропологическом отношении лопари также своеобразны. По одним признакам (строение лица, носовой и глазной области, зубной системы; кожные узоры ладоней и пальцев; группы крови) они сходны с монголоидами Северной Азии; по другим — с европеоидами. Эти факты уже довольно давно обратили на себя внимание исследователей, отводивших лопарям особое место в расовых классификациях. Своеобразные черты физического строения лопарей (и в меньшей мере — некоторых их соседей, главным образом финноязычных) проявляются и в строении черепа, что очень важно, так как дает возможность сравнивать антропологический тип современного и древнего населения. В целом надо признать, что в вопросах происхождения населения Европейского Севера еще много неясного.

В первой половине текущего тысячелетия Соловецкие острова входили, по-видимому, в зону расселения лопарей. Так, даже в источниках XVI — начала XVII в. есть вполне определенные сведения о лопарях в северной Карелии, в частности, в западном Поморье, в районе р. Кеми и оз. Выгозеро³, т. е. на побережье Белого моря, огибающем Соловецкие острова с запада и юга. Южная граница расселения лопарей в XVI — начале XVII в. проходила, таким образом, много южнее той параллели, на которой лежат Соловецкие острова. Следовательно, хотя прямых свидетельств о проживании лопарей на Соловецких островах до появления там русского населения нет, вполне вероятно, что острова посещались лопарями. Подтверждением того, что Соловецкие острова были известны лопарям, служит и само название архипелага, которое этимологизируется из прибалтийско-финских (в частности из саамского) языков. Так, например, саамское «суэл» означает «остров». В юго-западной части Соловецкого острова есть целая система озер, которые называются Лопскими озерами.

У нас нет прямых указаний на существование постоянного населения на Соловецких островах до 1429 г., т. е. до появления здесь иноков Кирилло-Белозерского монастыря Германа и Зосимы. Это не подтверждается ни письменными источниками, ни археологическими данными.

Обращает на себя внимание тот факт, что археологи не нашли здесь ни одного поселения, несмотря на обилие открытых культовых памятников. Можно предположить, что постоянных поселений охотников и рыболовов здесь и не было. Дело в том, что фауна островов довольно бедна. До появления на островах монахов, которые завезли на Соловки домашних оленей, здесь не было ни лося, ни дикого оленя, и, следовательно, была невозможна охота как источник существования людей. Из птиц на островах преобладают чайки, внутренние водоемы небогаты рыбой. В общем на Соловецких островах, по-видимому, не было необходимых условий для длительного проживания даже небольшой общины людей, добывающих себе средства к жизни охотой и рыболовством. Зато расположение культовых сооружений на островах, удаленных от жилья,

³ См.: сб. «Карелия в XVII в.». Петрозаводск, 1948; М. В. Витов, И. В. Власова. География сельского расселения западного Поморья в XVI—XVII вв. М., 1976.

находит прямые аналогии как у современных саамов, так и у древнего населения Европейского Севера. Во всяком случае, у саамов памятники, связанные с погребальным культом, до сих пор либо расположены на островах, либо отделены от жилищ водной преградой (рекой, ручьем и т. д.). Можно предположить, что эта традиция, сохранившаяся, несмотря на христианизацию саамов, восходит к древнему, по крайней мере неолитическому, аборигенному, населению этой территории.

На преемственность древнего и современного населения Европейского Севера указывают и антропологические данные. О сходстве по ряду признаков черепов I тысячелетия до н. э. из могильника на Большом Оленьем острове Баренцова моря с черепами лопарей писал В. П. Якимов, склоняясь, правда, в целом к мнению о неидентичности их типа⁴. Аналогии в антропологическом типе населения Финляндии VI—VII вв. н. э. (по материалам захоронений в Леванлухте и Кельдемяки) и лопарей проводил Г. Ф. Дебец⁵. Специфический лапоноидный⁶ комплекс признаков отчетливо выявляется и на черепах из неолитического (по мнению некоторых исследователей — мезолитического) могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера⁷ и на неолитических черепах, найденных при работах на Ладожском канале⁸. Более того, лапоноидный комплекс признаков зафиксирован на краниологических материалах из ряда мест лесной полосы Восточной Европы⁹, Прибалтики¹⁰ и даже Поднепровья¹¹. Следовательно, в древности этот комплекс был широко распространен.

Проблема происхождения лапоноидного комплекса признаков пока не решена. Ряд исследователей полагает, что такие признаки комплекса, как некоторая уплощенность лицевого скелета в горизонтальном плане, пониженное переносье, вогнутая спинка носа и др., объясняются древними контактами населения Европейского Севера с монголоидами. Другие, обращая внимание на своеобразие сочетания признаков, сохраняющегося у населения лесной зоны Европы с мезолита и даже верхнего палеолита, полагают, что лапоноидный комплекс формировался на рассматриваемой территории без участия древних монголоидов¹². Концепция древней метисации европеоидов и монголоидов, пожалуй, не находит подтверждения и в археологических фактах¹³.

⁴ В. П. Якимов. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцово море). — Сб. Музея антропологии и этнографии (далее — МАЭ), т. XV. М. — Л., 1953, с. 462.

⁵ Г. Ф. Дебец. Об антропологическом типе древнего населения Финляндии. — «Современная антропология», Труды Московского о-ва испытателей природы, т. XIV. М., 1964, с. 236—238.

⁶ Термин «лапоноидный» не обязательно употребляется авторами работ, на которые мы ссылаемся. Речь идет о специфическом сочетании уплощенности лица и переносья на черепах древнего населения Европы. Происхождение этих особенностей в настоящее время является предметом дискуссии.

⁷ В. П. Якимов. Антропологический материал из неолитического могильника на Южном Оленьем острове. — Сб. МАЭ, т. XIX. М. — Л., 1960, с. 283—288.

⁸ Г. Сарап. Краниологический материал из Приладожских стоянок. — «Изв. АН Эстонской ССР», т. 26, «Общественные науки», 1977, № 2, с. 167.

⁹ М. С. Акимова. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита лесной полосы Европейской части СССР. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), М., 1953, в. XVIII, с. 63.

¹⁰ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. — «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2. М., 1959, с. 32; Р. Я. Денисова. Антропология древних балтов. Рига, 1975, с. 16—87.

¹¹ И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966, с. 96—128.

¹² Не вдаваясь в детали этой дискуссии, накопившей весьма солидную библиографию, отошлем читателей к двум статьям, авторы которых занимают диаметрально противоположные позиции: Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы русской равнины и Восточной Прибалтики. — «Сов. этнография», 1961, № 6; В. П. Якимов. О древней «монголоидности» в Европе. — КСИЭ, в. XXVIII, М., 1957.

¹³ См., например, А. А. Формозов. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977, с. 104—112.

Так или иначе, в вопросах происхождения населения Северной Европы, и саамов в частности, еще много неясного. Решение ряда вопросов упирается в отсутствие или малочисленность краниологических материалов по саамам, карелам, вепсам и другим народам Европейского Севера. Чтобы ликвидировать эти пробелы, Институт этнографии АН СССР организовал летом 1976 г. комплексный этнографо-антропологический Северо-европейский отряд, на который была возложена задача собрать остеологические коллекции по саамам Кольского полуострова с одновременным изучением погребального обряда саамов. Результаты этих работ оказались удачными¹⁴. Сейчас в нашем распоряжении имеются древние неолитические и современные остеологические материалы, но полностью отсутствуют промежуточные, в частности средневековые. Естественно, что Соловецкие острова, входившие в зону расселения саамского этноса, насыщенные археологическими памятниками, не могли не привлечь нашего внимания, так как перспектива найти здесь могильник и заполнить пробел в краниологическом материале была очень заманчива. Обследование их стало настоятельной необходимостью, когда от Э. А. Наги, посетившего Соловецкие острова летом 1976 г., мы получили сообщение об обнаружении на о. Анзерском каменных сооружений, похожих на древний могильник. По фотографиям эти сооружения удивительно напоминали каменные «наброски» на могилах саамского кладбища в Иоканге, где деревянные надгробия (домовины и кресты) оказались уничтоженными. На саамском кладбище с. Чальмны-Варрэ на р. Поной, расположенном на песчаной дюне, самые старые погребения имели кольцевую обкладку овальной формы по краю могильной ямы. Камни для обкладки были принесены со стороны. На поздних могилах кладбища Чальмны-Варрэ кольцевые обкладки отсутствовали и лишь в «голове» и «ногах» клали два-три камня, имевших явно функциональное назначение: укрепление креста и домовины. Кольцевую же обкладку можно рассматривать как относительно древний и, возможно, этнический признак¹⁵. В этом аспекте информация о каменных сооружениях о. Анзерского представляла огромный интерес. Поэтому, планируя полевые работы 1977 г., мы предусмотрели разведочную поездку на острова Соловецкого архипелага.

Полевой сезон был начат работами на старом саамском кладбище на западном берегу оз. Пулозеро, проводившимися под руководством авторов настоящего сообщения. Затем отряд разделился. Большая его часть, руководимая В. И. Хартановичем, перебазировалась на северное побережье Кольского полуострова, где продолжала работы на старых лопарских кладбищах в устьях рек Иоканга и Варзина, разведенных в предыдущий полевой сезон. Авторы настоящего сообщения отправились на Соловецкие острова.

Рейсовым транспортом можно добраться только до бывшего Соловецкого монастыря, превращенного сейчас в музей. Рядом с ним вырос поселок, жители которого занимаются в основном добычей ламинарии — морской водоросли, богатой иодом. На о. Анзерском, куда лежал наш путь, поселений нет. Нет с островом, естественно, и никакого постоянного сообщения. Остров Анзерский, как уже говорилось, расположен северо-восточнее Соловецкого и вытянут с запада на восток на 18 км. Кратчайшее расстояние между западной оконечностью о. Анзерского и северо-западной оконечностью о. Соловецкого всего 6 км. Нас же интересовала самая восточная часть о. Анзерского, точнее мыс Колгуев, где

¹⁴ И. И. Гохман, Т. В. Лукьянченко, В. И. Хартанович. О погребальном обряде и краниологии лопарей. — «Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР, 1976». М., 1978.

¹⁵ Каменные обкладки были обнаружены в отдельных погребениях неолитического могильника на Южном Оленьем острове, мезолитического Сямозерского могильника и могильника эпохи раннего металла на Оленьем острове Баренцова моря.

и были обнаружены каменные кладки, похожие на древние могилы. Расстояние до этого пункта от кремля и поселка (где только и можно получить транспортные средства) с учетом того, что плыть необходимо, огибая далеко в море мели вокруг южной оконечности Соловецкого острова и островов Муксалма, составляет около 100 км.

Время, необходимое для получения транспорта, было использовано нами для осмотра археологических памятников Соловецкого острова. Осмотр немного прибавил к тому, что известно о них по литературе. Разведка памятников здесь сильно затруднена богатейшей растительностью таежного типа, но с большим, чем в северной Карелии, содержанием деревьев лиственных пород. Вероятно, густые леса острова, изобилующие озерами, болотами и возвышенностями, таят в себе немало интересного для археолога и историка. Флора о. Анзерского, открытого на всем своем протяжении северным и восточным ветрам, совершенно иная. Здесь преобладают низкорослые тундровые формы.

В поездке на о. Анзерский вместе с нами принимали участие архангельский археолог А. А. Куратов, работавший в этот период с группой студентов на Соловецких островах, и научный сотрудник Архангельского музея деревянного зодчества А. Н. Давыдов.

Мы высадились на южный берег острова примерно в 3 км от мыса Колгуева. Берег здесь относительно высокий. За неширокой береговой полосой он обрывом подымается на 3—4 м. По направлению к мысу продвигались прибрежной полосой. Не доходя 300 м до его оконечности поднялись на обрыв. Перед глазами открылось необычное зрелище... Дело в том, что в начале 1970-х годов на мысу возник пожар, в результате которого вся скудная растительность совершенно выгорела, остались песок и камни. Вода и ветры уничтожили следы пожара, а новая растительность еще не появилась. К востоку и северу от возвышения, на которое мы поднялись, берег понижается, и весь мыс предстал перед нами, как на большом топографическом макете. Картина была такой, какой она бывает после тщательной зачистки большого археологического раскопа. Следы деятельности человека не вызывали ни малейшего сомнения.

Слева от нас на склоне находился большой выложенный валунами лабиринт с очень четкими очертаниями (рис. 1). Правее и ниже его — несколько каменных оград подквадратной формы с длиной стороны около 4 м. Внутри оград камни выбраны, а в центре имеется каменный холмик шириной 60—70 см и длиной 1,5—2 м, ориентированный по сторонам ограды. Эти холмики, похожие на могильник, возвышаются над поверхностью земли внутри ограды на 10—20 см (рис. 2). Такие же ограды были обнаружены нами и на противоположном, северном берегу Колгуева мыса. Иногда несколько оград (две-три), примыкая одна к другой, образуют секции с общими сторонами. Одни ограды представляют собой замкнутый четырехугольник; другие имеют нечто вроде входа в середине одной из сторон, всегда в той, которая расположена перпендикулярно к направлению оси центрального холмика. В этом случае понижение ограды у «входа» сливается с камнями холмика.

Восточный берег мыса низкий. Вдоль прибрежной полосы шириной 10—15 м идет беспорядочное нагромождение валунов, образующих естественный мол, по-видимому, преодолеваемый волнами во время сильных штормов. За молом находится большая песчаная площадка, на которой имеются каменные сооружения двух типов: несколько каменных насыпей диаметром до 2 м и высотой около 1 м, и наиболее интересные, на наш взгляд, сооружения — овалы каменные выкладки-холмики, расположенные поперек мыса двумя, частично тремя параллельными рядами. Ориентировка по длинной оси холмиков — север — юг, иногда с небольшими отклонениями на запад и восток. Холмики несколько расплылись, затянuty песком и возвышаются над поверхностью не

Рис. 1. Лабиринт на Колгуевом мысе о. Анзерского

более чем на 10—15 см, но видны совершенно отчетливо. Длина их 1,5—2 м, ширина 70—100 см. Расстояние между холмиками неодинаково, от 0,5 до 1,5—2 м. Между холмами четкие стерильные пространства, не заполненные камнями. Всего на мысе Колгуев насчитывается до 100 таких сооружений. Весь памятник в целом, действительно, более всего похож на старые лопарские кладбища Кольского полуострова.

По всей площади этого памятника в изобилии встречается керамика. Большая часть фрагментов без орнамента, но на некоторых обнаружен прочерченный орнамент в виде волнистых или прямых линий, идущих поперек тулова. Судя по фрагментам донышек и венчиков, посуда была плоскодонной с отогнутым наружу венчиком. По мнению А. А. Курато-

Рис. 2. Сооружение с оградой

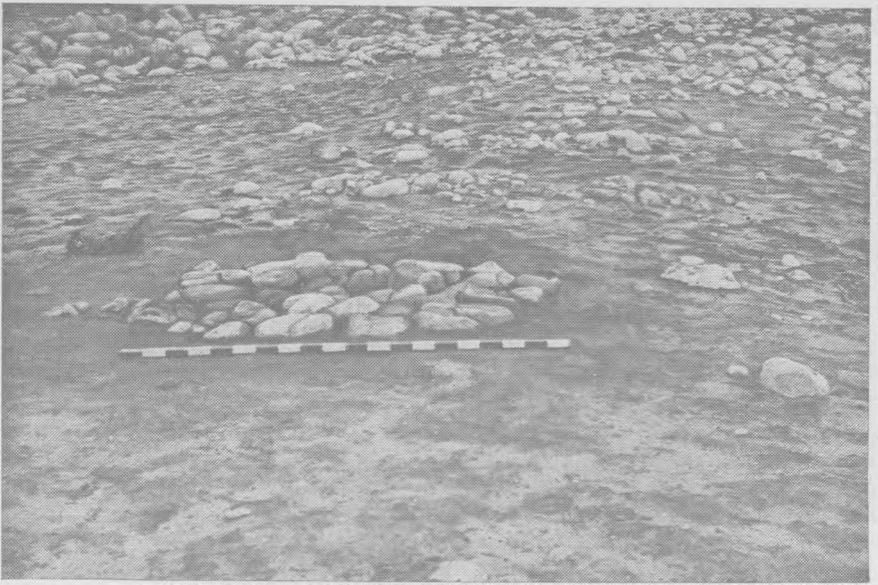

Рис. 3. Расчищенная каменная кладка (могила) без ограды

ва, керамика датируется XII—XIII вв. н. э., а некоторая ее часть, возможно, и более ранним временем.

Наши общие впечатления после наружного осмотра памятника не вызвали никаких разногласий. Они сводились к предположению, что перед нами грандиозный по размеру, вероятно средневековый, некрополь, принадлежавший скорее всего предкам лопарей. Представлялось, что многочисленные могилы, расположенные параллельными рядами, относятся к рядовым погребениям, а могилы в каменных оградах — к погребениям лиц, занимавших более высокое общественное положение. В этих предположениях мы опять исходили из аналогий с саамскими кладбищами XVIII—XIX вв., где могилы шаманов обычно вынесены в сторону и характеризуются более крупными и солидными надмогильными сооружениями из камня и дерева.

Подтверждение высказанным соображениям можно было попытаться найти путем раскопок памятника. С этой целью была произведена зачистка одного из сооружений «рядовой» части предполагаемого могильника. После удаления песчаных наносов и случайно попавших или рассыпавшихся небольших камней очертания кладки стали очень отчетливыми (рис. 3). Оказалось, что по наружному краю каменного овала расположены крупные камни, а внутри — камни мелкие и есть даже участки, не содержащие камня.

Следующий этап работы принес первую неожиданность.... Мы приготовились вытаскивать крупные валуны, так как диаметр видимой части некоторых камней обкладки достигал 30 и даже 40 см. Но никаких особых усилий не потребовалось — все камни кладки оказались плоскими. Их толщина не превышала 10—12 см. Под кладкой шел перемешанный слой земли с небольшим количеством мелких камней. Мы удаляли его крайне осторожно, с постоянной зачисткой, с тем чтобы по возможности проследить края предполагаемой могильной ямы. В песчаном грунте с легко осыпающимися краями, да еще близко от поверхности, эта задача очень трудна. Все же можно сказать, что грунт под каменной кладкой и за ее пределами различается по цвету и плотности, хотя границы перехода расплывчаты. Перемешанный грунт подошел к концу на глубине около 30 см. Углубив раскоп до 50 см. мы оконча-

тельно убедились, что уже имеем дело с непотревоженным слоем. Под кладкой не было найдено ни вещей, ни костей, никаких убедительных доказательств наличия костного тлена.

Итак, в наших построениях выпало самое существенное звено, выпал главный аргумент — останки тел погребенных. Но если описанный памятник не могильник, то что же это такое? Культовые сооружения непонятного назначения? Еще одна загадка, с объяснением которой не в состоянии справиться наука и которую можно отдать в распоряжение писателям-фантастам? Пожалуй, нет. Многочисленность обнаруженных кладок, однообразие их в пределах основных типов, общий план их расположения, имеющий, как уже указывалось, прямые аналогии в поздних саамских кладбищах, — все это склоняет нас к поиску дополнительных аргументов для обоснования первоначальной гипотезы — интерпретации памятника как древнего могильника.

Напомним в связи с этим, что саамские сейды — памятники, связываемые с культом предков, некоторые исследователи рассматривают как надгробные сооружения. У нас нет, однако, сведений о находках под ними костных остатков. Возникает вопрос: возможны ли такие обстоятельства, при которых под надгробными неграбленными сооружениями могут отсутствовать костные останки погребенного? Ответ на него положительный: могут.

Относительно исследованного сооружения на о. Анзерском теоретически можно предположить, что из всех находящихся перед нами надгробных сооружений мы случайно раскопали *кенотаф* — символическое погребение, в котором в действительности не было захоронено тело умершего. Археологам хорошо известны такие факты. Мы, например, столкнулись с кенотафом при исследовании старого саамского кладбища Чальмны-Варрэ на Кольском полуострове. Могила, имевшая богатое наземное сооружение, содержала пустое гробовище, в котором лежал маленький фрагмент кости. Но вероятность того, что из всех могил на мысе Колгуев мы случайно натолкнулись на кенотаф, крайне мала. В самом деле, если считать, что на всей площади памятника было 100 захоронений, то она будет равна 1% — величине, при которой гипотезу кенотафа уже следует отбросить. Так как мы провели шурфовку еще одной кладки с каменной оградой, где тоже не обнаружили костных остатков, эта вероятность становится еще во много раз ниже.

Таким образом, настаивая на интерпретации памятника как могильника необходимо доказать, что условия на Колгуевом мысе были такими, при которых тела погребенных полностью истлели в могилах. Обратимся в связи с этим к некоторым фактам.

В Карелии, при обилии песчаных гигроскопичных, легко промываемых грунтов (именно в них обычно и находят могильники), в условиях влажного и сурового климата, костное вещество сохраняется крайне плохо. Неолитический могильник Южного Оленьего острова на Онежском озере составляет счастливое исключение. Кости погребенных в нем, изделия из кости и рога, а в отдельных случаях даже дерево относительно хорошо сохранились только благодаря счастливому обстоятельству — насыщенности грунта мелом и солями кальция. В других могильниках, например Сямозерском, Черная губа, кости вообще не сохранились¹⁶. Плохая сохранность костей наблюдается в Карелии и в более поздних памятниках. В значительной мере этим обстоятельством объясняются большие проблемы в палеоантропологическом изучении Карелии. Наконец, сохранность костей и костного вещества во многом зависит от глубины захоронений. Так, на саамском кладбище XIX в. в устье р. Иоканга на Кольском полуострове в одних погребениях кости были хорошей сохранности, а в других за очень короткий промежуток времени они

¹⁶ Г. А. Панкрушев. Мезолит и неолит Карелии. I — Мезолит. Л., 1978, с. 68; 70.

успели превратиться в труху. Этому очень способствуют корни растений, обильно разрастающихся на близких к поверхности захоронениях.

Сказанное имеет самое прямое отношение к могилам на о. Анзерском. Если реконструировать обряд погребения, исходя из данных, полученных при изучении одной могилы, то он представляется следующим. На поверхности почвы делалось углубление в 20—30 см в соответствии с размерами тела умершего. В это углубление укладывалось тело, которое затем обкладывалось крупными плоскими камнями. Промежутки между ними, вероятно, засыпали песком и мелкими камнями. Другими словами, погребения на Колгуевом мысе были практически поверхностными. Ясно, что в этих условиях за многовековой промежуток времени, от погребенных в могильнике могло, а может быть и должно было, ничего не остаться. Напрашивается еще одно соображение. Преобладающее большинство могил (могилы без оград) расположены на песчаном участке, свободном от естественных навалов валунов. Плоские камни, которыми обложены могилы, были выбраны и принесены сюда со стороны. Могилы с оградами расположены на довольно каменистых участках. Поэтому не лишена основания мысль о том, что первоначально ограды образовались при складывании камня в процессе очистки от валунов территории под захоронение. Но это, конечно, только догадка.

Замечательный памятник аборигенов Севера на о. Анзерском еще фактически не изучен. В нем много неясного. Не ясен, в частности, характер использования керамики. Нужны убедительные доказательства связи керамики с комплексом каменных сооружений.

Памятник заслуживает самого пристального внимания и исследования. Изучение других объектов памятника, возможно, даст больше данных для решения вопроса об его этнической принадлежности. Но сегодня представляется наиболее вероятным, что население, знавшее и использовавшее Соловецкие острова для своих обрядов и культов до появления здесь русских, было предками саамов.
